

Воспитание профессиями: к теоретическому обоснованию современной стратегии профессионального воспитания

А. Г. Кислов¹, И. В. Шапко²

¹ Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Кислов Александр Геннадьевич — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID 0000-0003-0826-8709, e-mail: akislov2005@yandex.ru

Шапко Ирина Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, ORCID 0000-0003-0793-2479, e-mail: ishapko@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена специфике профессионального воспитания учащихся, которая во многом обусловлена содержанием обучения, а также положением, которое занимает та или иная профессия в окружающей реальности. Осмысление вызовов времени порождает необходимость разработки специальной научной теории мира профессий как особого сегмента человеческой деятельности. Цель работы — наметить важнейшие контуры этой теории как методологической основы решения современных задач профессионального воспитания, для обоснования стратегии которого предлагается философская теория генезиса, функционирования и развития мира профессий, значимые составляющие которой оформились в наследии выдающегося отечественного мыслителя М. К. Петрова. В статье эксплицированы ключевые для построения данной теории идеи, изложенные с учетом неопределенности современных реалий как фактора развития мира профессий и выбора ориентиров в сфере профессионального воспитания. Эффективный ответ на вызов времени невозможен без использования в воспитательном процессе потенциала «общей» культуры человечества, актуализация которого в теории и практике профессионального воспитания была и остается надежным гарантом высокой результативности в условиях возрастающей неопределенности во всех сферах общественной и приватной жизни.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, профессиональное образование, воспитательная работа, общественное разделение труда, социальная структура

Для цитирования: Кислов А. Г., Шапко И. В. Воспитание профессиями: к теоретическому обоснованию современной стратегии профессионального воспитания // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2. С. 15–31. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.002>

Статья
поступила
в редакцию
2 апреля
2021 г.

© Кислов А. Г.,
Шапко И. В.

Education by professions: to the theoretical substantiation of the modern strategy of professional education

A. G. Kislov¹, I. V. Shapko²

¹ Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Alexander Kislov — Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Law of the Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID 0000-0003-0826-8709, e-mail: akislov2005@yandex.ru

Irina Shapko — Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies of the Ural State Pedagogical University, ORCID 0000-0003-0793-2479, e-mail: ishapko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the specifics of professional education of students, which is largely due to the content of training, as well as the position that a particular profession occupies in the surrounding reality. Understanding the challenges of the time creates the need to develop a special scientific theory of the world of professions as a special segment of human activity. The purpose of the work is to outline the most important contours of this theory as a methodological basis for solving modern problems of professional education, for the justification of the strategy of which the philosophical theory of the genesis, functioning and development of the world of professions is proposed, the significant components of which are formed in the legacy of the outstanding Russian thinker M. K. Petrov. The article explicates the key ideas for the construction of this theory, set out taking into account the uncertainty of modern realities as a factor in the development of the world of professions and the choice of guidelines in the field of professional education. An effective response to the challenge of the time is impossible without using the potential of the "common" culture of humanity in the educational process, the actualization of which in the theory and practice of professional education has been and remains a reliable guarantee of high performance in the conditions of increasing uncertainty in all spheres of public and private life.

Keywords: formative education, vocational education and training, professional education, education activities, social division of labour, social structure

For citation: Kislov, A. G., & Shapko, I. V. (2021). Education by professions: to the theoretical substantiation of the modern strategy of professional education. *Vocational Education and Labour Market*, 2, 15–31. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.002>

Введение

Осмысление места, роли, значения воспитательной работы в процессе профессиональной подготовки не может ограничиваться актуализацией привычных, подкрепленных традициями форм. Практика имеет свою культурную память, социальную инерцию (Вишневский, Шапко, 2003; Матвеева, 2004), которые нередко выручают, но иногда могут и дезориентировать, потому что «практика без теории слепа, а теория без практики мертва».

Сегодняшняя воспитательная работа заимствует многое из прошлого, но при этом обогащается и инновациями, опираясь на теоретические исследования — большей частью научно-педагогические. А они даже по определению — практикоориентированы (Гессен, 1995). Значит,

требуется полноценное теоретическое обоснование (каковым для педагогики и выступает философия, если продолжить мысль С. И. Гессена, заложенную им в наименовании своего фундаментального, выдержавшего столетнюю проверку, труда). Думается, что практическую философию воспитания совсем неплохо было бы дополнить теорией, что объяснит не только частности, открывая путь их дальнейшему развитию, но и сам генезис профессионального воспитания как особого социально значимого явления, факторы, условия и — главное — основания его возникновения и воспроизводства, а также перспективы, к которым стоит готовиться педагогическому сообществу.

Междисциплинарный обзор

Поскольку речь идет именно о профессиональном, а не гражданском, патриотическом, нравственном, эстетическом воспитании, то логично создавать теоретическую базу в рамках отраслей научного знания, посвященных профессии как особому социальному феномену, миру профессий и — шире — человеческих занятий. У этой теории уже есть названия — профессиоведение, профессиология... Точнее, название одно — просто конструируется из корней разных языков. Но обращение к имеющейся по данной теме литературе обнаруживает некоторые различия: большая часть исследователей говорит о психологическом профессиоведении (Зеер, Зиннатова, 2019) и опирающейся на него профориентологии (Савиных, 2014), меньшая — об историческом профессиоведении (Историческое профессиоведение, 2012). Различия можно назвать отраслевыми — между психологией и историей — по аналогии с лингвистикой, где есть отрасль, посвященная профессиональным языкам.

Несколько особняком стоит мощная (по теоретико-методологической оснастке, наработанному инструментарию, количеству исследователей и публикаций) социология профессий (Социология профессий, 2015), включая социологию труда (Тощенко, 2004). Эта наука сосредоточена преимущественно на профессиональных группах, их формировании, динамике функционирования, а сегодня — еще и конвергенции, трансформации и обновления, включая вымирание профессий и соответствующих профессиональных групп, а также гипотетическую перспективу отмирания самого феномена профессий¹.

В последние полвека заявила о себе и антропология профессий (Антропология профессий, 2011), мобилизующая методологический потенциал аксиологии, культурологии и этнографии на изучение феномена профессий. Не стоит упускать из виду также экономику труда², медицину труда³, профессиональную этику⁴, профессиональный (включая деловой⁵) этикет⁶ и др. научные отрасли.

¹ См. интервью с экспертом Международного совета по системной инженерии (INCOSE) Анатолием Левенчуком. http://erazvitie.org/article/zakat_professij.

² Экономика труда. Международный научно-практический журнал. <https://1economic.ru/journals/et>.

³ Медицина труда и промышленная экология. <https://www.journal-iriioh.ru/jour>

⁴ Иванова А. А. Профессиональная этика: учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2018.

⁵ Капкан М. В., Лихачева Л. С. Деловой этикет: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.

⁶ Солоницына А. А. Профессиональная этика и этикет: учебник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005.

Постановка проблемы

Из представленного выше перечня наук видно, насколько мир профессий — многоаспектный объект исследований. Но о комплексной науке, посвященной непосредственно миру профессий, пока говорят лишь в сослагательном наклонении, высказывая пожелания по части ее существования. Пока ее нет. Потому и появляются подмены вызревающего целого частностями, когда в профессиоведении, например, усматривают лишь прикладную (психолого-педагогическую) науку о сопровождении человека в мир профессий и его самого на протяжении всей его жизни. Нет сомнений в благородстве постановки этой задачи, поиска путей и приемов ее решения с учетом меняющейся социально-экономической, технологической ситуации, а также психофизиологических возможностей каждого отдельного человека. Только логика развития мира профессий слабо соотносится именно с последним обстоятельством — с особенностями человека.

Все обстоит как раз наоборот: человек вместе со всеми своими плюсами и минусами вынужден приспосабливаться к этой логике. Психологи и педагоги помогают человеку к ней адаптироваться. А когда скорость перемен в мире профессий начала грозить выходом за пределы адаптивных возможностей человека, психологи и педагоги стали искать пути и приемы еще и преадаптации (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017) — не столько уже к миру профессий, сколько к встрече с неизбежными в нем изменениями, с самим феноменом непрестанной изменчивости, в том числе и в части направлений этих перемен, т. е. преадаптации к неопределенности как таковой.

Однако прежде чем кого-то адаптировать или преадаптировать, нужно понимать логику развития той реальности, к которой мы намереваемся приспособить себя или других, осуществляя их профессиональное воспитание, т. е. нужно понимать логику возникновения, формирования, функционирования и развития мира профессий. И логику эту задает социальная машинерия в единстве структурно-функциональных, хронологических, экономических, технологических и культурологических факторов. «Социальная» — потому что важен в ней не отдельный (с его психофизиологией) человек и не отдельная (профессиональная) группа, а социум как особая надындивидуальная, надгрупповая, надчеловеческая эмереджентная реальность. «Машинерия» — потому что срабатывает она с механической непреклонностью, отбрасывая любые сантименты, эмоционально-насыщенную «гидравлику либидо» и всегда несвободные от истошности идеологические мотивы, устремления и предпочтения.

Итак, проблема состоит в отсутствии комплексной научной теории мира профессий, необходимой, среди прочего, и для построения современной стратегии воспитательной работы в процессе профессиональной подготовки — да и для стратегии развития профессионального образования в целом. Но необходимо также иметь в виду, что работа по ее созданию началась давно — несколько столетий назад — прежде всего философами, политэкономами, социологами, что тоже неслучайно говорит

об общечеловеческой значимости феномена профессий. Формирование этой науки, не достигшей пока стадии своей институционализации, продолжается и в наши дни как за рубежом (Honneth, 1995; Honneth, 2005; de Souza, 2018; обзор публикаций¹), так и в России. Отметим весомый вклад в него М. К. Петрова (1923–1987) — прежде всего его работы о причинах появления и путях становления феноменов европейской науки и научного образования (Петров, 1991; Петров, 1996; Петров, 2004). А это, в свою очередь, потребовало от него осмысления генезиса не только европейского (прежде всего древнегреческого), но и мирового социума в целом с учетом его многовековых проекций и трансформаций. Мало-помалу результаты интеллектуальных усилий М. К. Петрова входят в признаваемый научным сообществом теоретический арсенал (Кислов, Щербина, 2020)², вовлечь который в процесс совместного научного труда мы бы хотели. Его результатом может стать комплексная социальная теория мира профессий, при построении которой уже сегодня можно осмыслить ряд актуальных проблем, связанных с выбором содержания и форм профессионального образования и воспитания.

Предпосылки формирования приоритета социального над индивидуальным в профессиональном воспитании

Отметим, во-первых, что феномен профессии является следствием общественного разделения труда — неизбежного в более или менее развитом социуме. Простое обстоятельство человеческого существования — границы возможностей, заданность и конечность времени и пространства самой жизни — не позволяют отдельной личности заниматься чем угодно, в том числе только нужным, полезным или интересным делом, а также располагать всеми результатами своего труда. Какие бы задатки у индивида ни были, он все равно будет нуждаться в других людях, в том числе продуктах их труда, на производство которых у него самого нет времени, сил, средств либо желания. Социум состоит из отношений между индивидами, обменивающимися результатами труда. И определяются эти отношения далеко не в первую очередь психологическим своеобразием их участников.

Нужно отдать должное активности представителей психологической и педагогической науки. Но профессиоведение — наука прежде всего не психологическая и не педагогическая. Человек в ней представлен только как участник (частность), активный, но не столько творящий, сколько приспособляющийся к процессам, претерпевающий их, встраивающийся и подстраивающийся к ним, подобно детальке («винтику») в огромном механизме социума. Социальные же процессы идут своим чередом с учетом всего лишь двух свойств человека: способности хоть в чем-то быть полезным социальной машинерии и личностной ограниченности, что предопределяет его ограниченное использование социумом. Человек не всемогущ, не всеведущ, можно сказать, небожественен,

¹ International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/division-of-labour>

² См. также публикации авторов, объединяемых журналом «Политическая концептология». <https://politconcept.sfedu.ru>

он всегда и везде нуждается — в других, в обмене результатами неизбежной, часто вынужденной, специализации участников общественных отношений. Без нее человек и вовсе останется никому не интересным, не нужным — за исключением короткого времени действия в его организме тех или иных психофизиологических (несоциогенных) факторов.

Чтобы случилась специализация, необходима фрагментация, разбивка, сегментация осваиваемых людьми социально значимых видов деятельности, знаний, умений. «Физиологические и ментальные ограничения человека, его „вместимость“ как субъекта любых видов социально необходимой и социально полезной деятельности вынуждают общества любых типов, если они несут через поколения массив знаний, превышающий возможности индивида, фрагментировать этот массив на части, посильные человеку» (Петров, 1991, с. 101). В социуме складывается фрагментация и соответствующая ей конфигурация специализаций, которая определяет перечень мест, ролей, функций, уготованных обществом каждому человеку и группам (прежде всего профессиональным). А человек в силу социальных (не психологических) причин вынужден в них вживаться, к ним приспосабливаться. То, как этот процесс происходит, привлекает внимание психологии и педагогики. Но они не могут объяснить нам, что такое мир профессий, почему он такой, а не иной. Всякий отдельный человек в нем — инстанция вторичная, страдающая, подвергающаяся давлению извне. Движущие силы истории так же безразличны к особенностям индивида, как и физические, химические, биоэволюционные и многие другие процессы на Земле, с которыми он сталкивается. В мире, который вполне обойдется без человека. Но — не человек без этого мира. Еще до всяких грез о робототехнике и вытеснения ею человека из сферы труда не так уж трудно было заметить, что профессии — данность, с которой каждому приходится считаться с той же серьезностью, с какой мы считаемся с явлениями природы. Мир профессий объективен, как многие другие процессы и явления социальной жизни, — притом что люди в них прямо участвуют и пытаются на них влиять, нередко увлекаясь фантазиями насчет степени своего влияния.

Так, первобытная община существует благодаря устойчивому, воспроизводимому из поколения в поколение отведению ее членам определенных ролей, закреплённых весьма жестко, наподобие всем известной кастовой системы Индии (только не все знают, что она типична для любой архаики). Эта воспроизводящаяся ролевая разделенность и обеспечивает нужность людей друг другу — благодаря специализациям в том или ином виде занятий и квалифицированному исполнению своих ролей возможен обмен результатами и продуктами человеческой деятельности. Он может быть непрямым, то есть не только товарами, но и услугами, дарами, а также символическим (Бодрийяр, 2000). Например, «в отличие от обмена товарами, где между сторонами не предполагается дальнейшего взаимодействия, подарок создает неоплаченный долг... Подарки рассматриваются как способ поддержания или создания и повышения престижа, что не характерно для обмена товарами» (Кембриджская история капитализма, 2021). Безусловно, здесь появляется психологическая составляющая. Но систематический обмен дарами

(потлач) — это не разовое и даже не эпизодическое явление. Это социальный институт — устойчивая и регулируемая практика. Регулируемая не только и не столько эмоциями и иными явлениями психологического порядка. Всякий социальный институт существует в силу социального (не обязательно экономического) резона, обеспечивая потенциально бесконечное воспроизводство отношений. Таков и символический обмен — он эффективно распределяет участников отношений по их социальным ролям, мягко и безошибочно встраивая их в ту или иную конфигурацию общественных отношений — в том числе через специально существующие для этого воспитательные практики.

Чтобы конфигурация ролей была устойчивой, она не должна всякий раз приспособливаться к психофизиологическим особенностям каждого нового поколения социума. Эта конфигурация, иначе говоря социальная структура, предшествует каждому новорожденному и всей общине в целом. Человеческий материал заполняет ячейки этой структуры, выполняя предписанные ею функции, а потом освобождая их для последующих поколений. А сама ячеистая социальная структура потенциально является вечной надчеловеческой сущностью, а потому — мистифицируемой, ритуализованной, всеподчиняющей.

В еще относительно недавние времена социум был инертен, стабилен, а значит, неизменной была и его структура — в том числе и прежде всего профессиональная, — требовалось лишь заполнить людьми все заранее заготовленные ячейки. Последние же (проще говоря, профессии) возникли зачастую в доисторические времена, а потому мыслились вечными, им покровительствовал некий бог (Васильев, 2000; Рус, 1986), от чего исполнение социально востребованных функций воспринималось как сакральное служение человека высшим силам. Профессия в таком случае — это богом данное призвание. Измена ему, смена рода занятий сродни святотатству, то есть социально осуждаема и практически невозможна.

Эти представления сохраняются и в христианской традиции, которая связывает род занятий уже не с каким-то языческим божеством, а со святым покровителем. Технологическим условием такого социально-профессионального структурирования «выступает наличие большого числа типизированных ситуаций индивидуального социально значимого действия, которые могут стать основанием типизации индивидов в массовую группу-профессию, где каждый „делает одно и то же“, может без затруднений использовать текст деятельности коллеги по профессии, поскольку их тексты идентичны, образуют единый для общности профессионалов текст типизированных ситуаций и способов их социально значимого решения силами индивида» (Петров, 1991, с. 106).

Из всех названных составляющих и формируется мир определенной профессии: фрагмент в общественном разделении труда (вид деятельности и сопутствующие ему, обслуживающие его сведения, знания), сообщество носителей профессии (профессиональная группа), небесный покровитель, понимаемый группой текст (дискурс, тезаурус), включающий правила, ценности, запреты, значения. И еще немаловажно, что профессии появляются не в одиночку и не поочередно, как бы постепенно

одна за другой, а выкристаллизовываются в совокупной социальной активности сразу в виде множества различных, специализированных, отделенных друг от друга и при этом конгруэнтных друг другу в общесоциальной значимости ячеек. Профессии изначально возникают как мир профессий, который может изменяться, трансформируя или вытесняя старые специальности. Но изначально было множество — вопреки общему представлению о некоей одной-единственной «древнейшей профессии».

Социальные структуры, конфигурации человеческих занятий и формирующихся вокруг них профессий не произвольны. Они проходят отбор и шлифовку временем. Их единственная задача — быть социально эффективными. Именно социально, а не индивидуально: все, что в индивидуальности социально значимо, обществом априори учитывается, поддерживается, на-пityвается и вос-пityвается. Например, две наиболее значимые особенности каждого индивида — его личностную ограниченность и культивируемую им способность функционировать в предназначенной ему ячейке социальной структуры — социум подмечает, тренирует, стимулирует, то есть возвращает и воспитывает. Зато все социально опасное жестко отбраковывается, пресекается. Таким образом, уже в первобытной общине педагогика занимает видное место. Общество воспитывает своих членов такими, какими они ему нужны, какими они обеспечат его дальнейшее существование и процветание. И прежде всего следит за исполнением ролей, обусловленных все теми же ячейками в социальной структуре, в конфигурации профессий, занятий. Эту задачу непосредственно и решает то, что мы сегодня называем профессиональным воспитанием. Человека готовят к профессии, то есть, по сути, осуществляется воспитание самой профессией, к которой предназначен индивид. А те, кто занимается профессиональным воспитанием (педагоги), — это посредники, инструменты, орудия, необходимые в данном процессе.

Итак, социально-профессиональная конфигурация задана социуму его длительной предысторией, то есть она не творится людьми, а складывается исторически по своей внутренней логике. Но вариации конфигураций могут быть разнообразны. «Поскольку объем фрагментов лимитирован лишь трудоемкостью и сложностью входящих в него программ деятельности, в состав фрагмента программы могут входить в самых причудливых сочетаниях. В долине Ганга, например, фрагмент „парикмахер“, прописанный по касте *наи*, в качестве одной из программ включает обязанность устраивать матримониальные дела семей клиентов. Этому и множеству подобных фактов можно подыскать сколько угодно правдоподобных объяснений, но, видимо, проще принять тезис о немотивированности состава фрагмента, набора входящих в него программ. Объем фрагмента лимитирован „вместимостью“, состав же — дело случая» (Петров, 1991, с. 101).

Случайным образом формируемые наборы видов деятельности в обязательном порядке закрепляются за определенными профессиями, предназначенными к их исполнению социально-профессиональными группами (в том числе гильдиями, цехами и т. п.), и получают освящение — богами, святыми, хотя бы героями-представителями (носителями)

этих профессий. Вспомним и Героев Социалистического Труда, стахановцев, многостаночников и т. д. Другими словами, эта воспитывающая потребность сохраняется и в те времена, когда индустриализация, казалось бы, разрушает общинные отношения. Трансформированные мифы (а «миф» у эллинов — «предание», «передаваемое из поколения в поколение знание, культурное наследие») о профессиях эпохи индустриализации довольно легко вспомнить, обратившись к изобразительному искусству, фильмам, литературным произведениям, песням, прославляющим героизм, романтику, ответственность и другие черты, ассоциируемые с определенными профессиями. Эти мифы перекликаются с более древними. Об этом свидетельствуют публикации не только представителей академической науки, но и современных «хранителей» преданий, олицетворяющих жизненность уходящих вглубь традиций не только по содержанию, но и по форме.

Вот, например, текст такой хранительницы Арины Никитиной (заметьте, что свою миссию хранения она связывает с тем, о ком говорит — с Богом-хранителем, ей покровительствующим в исполнении ее миссии): «Во-первых... Бог-хранитель провел вашу душу сквозь звездные врата, а значит, Он несет ответственность за те деяния, которые вы совершаете. А вы несете ответственность перед Его судом за свои поступки, потому что являетесь Его представителем на земле, Его силы. Во-вторых, Богом-хранителем является также и тот Бог, который дарит вам свое умение, это связано с варновым (кастовым) предназначением. Сколько бы сейчас тысяч профессий ни существовало на земле, все равно их можно свести к 5-ти варновым подразделениям по 5-ти стихиям, которые существуют в нашем тварном мироздании. И у каждого из этих варн есть триглав своих Богов, покровительствующий, испытывающий и обучающий данную варну. Например, все профессии, которые так или иначе связаны с землей и тем, что она рождает — с животными, с растениями, с умением это использовать, с древознанием, — Богами-хранителями являются: Богиня Макоша в образе коровы Зимун (Правь), Жива с Дажьбогом в паре (Явь Триглава), а в качестве испытующих — это Кошей и Морена... Поняв, к каким профессиям лежит ваша душа, каким творчеством вы занимаетесь — к какой варне это соотносится, можно понять Бога-хранителя своего»¹. Чем этот пример — не «Основы профориентологии» или «Профессиональной этики»? Существуют и другие источники, по которым можно представить, как традиционно понимались профессии, какое их предпонимание служило им опорой².

Приобщение к этим традициям и сегодня можно квалифицировать как разновидность профессионального воспитания. Во всяком случае по преследуемым целям, а цели эти были и остаются надындивидуальными.

¹ Никитина А. Сказ о том, как бог и его проявления помогают нам // Иерархия славянских богов. <https://arina-nikitina.ru/ierarhiya-slavyanskih-bogov>

² Боги-покровители по профессиям и увлечениям // Боги славян <http://bogislavyan.ru/bogi-pokroviteli-po-professiyam-i-uvlecheniyam>; Глоба П. П. Семь священных профессий // Митра. 2009. № 14. <http://secret-of-success.top/index.php?part=2948>; Православные святые — покровители профессий и видов деятельности // Свято-Троицкий храм города Усть-Лабинск. http://troicahram.cerkov.ru/?page_id=1568; Святые — покровители профессий // Европейские имена: значение и происхождение. <http://kurufin.ru/html/Saints/saints-profession.html>

Основания осмысления особенностей целеполагания в современном профессиональном воспитании

Сегодня, когда не только внутри-, но и межпрофессиональная мобильность становится обыкновенным делом, а в связке «человек — профессия» не остается ничего святого (служебные обязанности исполняются без священного трепета), вышеописанные инструменты профессионального воспитания часто не срабатывают: социальные структуры приходят в движение и грозят своим обрушением. В связи с этим понятен порыв к ремифологизации профессий. Но, скорее всего, этот консервативно-романтический порыв умозрительен и утопичен. Мифы потеряли свое былое значение в сегодняшнем, все меньше считающемся с требованием определенности и порядка мире профессий. Фрагментация же всего массива социально необходимых видов деятельности — в силу никуда не девшейся физиологической и ментальной ограниченности индивида, о которой писал М. К. Петров, — осталась и останется с нами дальше.

Сегодня мы имеем дело с иной социально-профессиональной конфигурацией. Произошла «разморозка» социально востребованных ролей, и их «плавление» не привело и вряд ли уже приведет к возникновению новой устойчивой композиции. Комбинаций стало сколь угодно много, а границы между ними весьма условны (Кислов, Щербина, 2020). «Сын кубанского парикмахера или плотника вряд ли унаследует профессию отца: перед ним огромный выбор деятельности по склонности и интересу. Сын парикмахера или плотника с берегов Ганга до самого недавнего времени жил в системе “джаджмани”, которая жестко определяла его будущую судьбу не только по профессии, но и по клиентуре, по размеру гонорара в виде натуральных поставок и услуг, даже по кругу возможных жен» (Петров, 1991, с. 88). Такой предсказуемый мир ушел или почти ушел в прошлое. Он, говоря языком М. К. Петрова, трансмутирует.

Профессиональное воспитание теряет былые опоры и инструменты. Уже не все ясно с его целями, ориентирами, и поэтому нам понадобится еще одно важное для понимания феномена мира профессий понятие: интерьер, как формулирует его М. К. Петров, то есть «наполнение в границах вместиимости». Речь идет о том, что профессиональная деятельность «репродуктивна, фрагмент знания, вида деятельности как раз и возможен в силу ее репродуктивности, поэтому относящиеся к делу реалии — материалы, орудия, продукты — получают некоторую обобщенную характеристику — „интерьер“ — вычлененное из социального окружения вообще и прихватывающее реалии самой социальности „рабочее место“ данного смертного индивида, как оно определено фрагментом знания и вида деятельности. Границы и состав интерьера должны определяться тем минимумом, без которого зафиксированные во фрагменте виды деятельности становятся невыполнимыми... Р. Мертон в близком значении употребляет термин „ролевой набор“, но в его определении отсутствует весьма существенная... черта — жизненно важная для индивида связь интерьера с фрагментом знания, а через фрагмент с социальным целым как долгоживущей, практически вечной

сущностью... Связь интерьера деятельности с фрагментом знания, обязательное присутствие фрагмента в интерьере на правах весьма существенной его реалии важны... в том именно плане, что индивид способен внести какой-то вклад в социальную наследственность, модифицировать или... „трансмутировать“ ее только через унаследованный им фрагмент знания» (Петров, 1991, с. 33). И, конечно, относящийся к нему вид деятельности, добавим мы.

Пространную, но очень важную и, увы, недооцениваемую даже последователями М. К. Петрова цитату необходимо прокомментировать. Как уже было сказано выше, профессия — это определенная (выделенная в социально признаваемый важным фрагмент) комбинация социально значимых видов деятельности. Но ее характеризует еще ряд важных признаков:

- признаваемые социумом, а потому определенным образом подготовленные (образованные, воспитанные) исполнители (индивиды, группы);
- их (признаваемые социумом) роли как исполнителей именно этих видов деятельности;
- их (допускаемая социумом) оснастка орудиями, инструментами, материалами, помещениями (фрагментами помещений, то есть рабочими местами), самими пространством и временем, предоставленным им социумом для отправления своей деятельности;
- (признаваемые социумом) правила и ориентиры исполнения определенной деятельности, включая способы взаимоотношений с представителями своей профессии и других профессий, заказчиками, контрагентами, покупателями, поставщиками, подрядчиками и др.;
- (контролируемые и социумом, и профессиональной группой, и входящими в нее индивидами) границы допустимого, комплекс табу;
- (допускаемые социумом) способы и правила предъявления результатов своего труда вовне (обмен, продажа, залог и т. д.) и внутри своей профессиональной группы (оценка, экспертиза), а еще и контрольно-надзорным инстанциям;
- (допускаемые, а то и одобряемые и даже поощряемые социумом) способы и правила предъявления самих себя всем перечисленным сторонам (включая особую одежду, знаки отличия, приветствия, обращения на себя внимания, воздействия);
- (допускаемые, а то и одобряемые и даже поощряемые социумом) способы и правила реагирования на разнообразные оценки (от благодарного признания до возмущенного осуждения) результатов и процесса труда;
- (признаваемые социумом) авторитеты (в том числе незыблемые, мистифицированные, сверхъестественные).

Чем больше составляющих в представленном комплексе «профессия», тем больше вариантов их комбинаций, тем вариативнее пути их дальнейшего усложнения, в том числе допускающие, а то и провоцирующие изменения, трансмутации. В каждой из перечисленных выше строчек (не только в оборудовании, материалах, технологиях, что мы сейчас наблюдаем) возможны подвижки, обусловленные

потенциально бесконечным перечнем причин, действующих порой подспудно, долгое время латентно, но оттого не менее неотвратимо. Одним лишь сообразованием с возможностями и невозможностями индивидов (их границами и способностями действовать) дело не заканчивается. Культура, а вместе с ней и социум транслируют через них — себя. И трансмутирует через индивидов, через их активность, в том числе творческую и даже самовольную, тоже именно она — определенная культура. В процессе трансмутации она какое-то, порой весьма продолжительное, время остается собой и потому в большинстве случаев не реагирует на многие изменения как на угрозу себе — соответственно, продолжают действовать упоминавшиеся в самом начале статьи социальная, культурная инерция и память.

В целом все происходящие в культуре и с культурой трансмутации, в том числе новые виды и способы фрагментации, определяются ею же — лежащим в ее основе социокodem (по аналогии с генетическим кодом в живом мире). Это понятие также активно использует М. К. Петров. От социокода, наряду с границами ментальной вместимости индивидов, зависит фрагментация и репликация не только всего содержательного богатства культуры, но и знаний и видов деятельности (прежде всего профессиональной), которыми занимаются индивиды, принадлежащие данной культуре, а также комплекса институтов коммуникаций между ними, в том числе и образовательных сообществ. Социокультурная трансмутация творится прежде всего самим социокodem и некоторыми индивидами, создавая проблемы в отношениях между ними. Потребность в сопровождении выбора индивидом своей профессиональной будущности возникает тогда, когда общественная жизнь предоставляет ему достаточный простор в самостоятельном выборе рода занятий, избавляя от жесткой приписки к той или иной ячейке в социальной структуре — точнее, в социально-профессиональной структуре (поскольку многое остается жестко обусловленным происхождением, имеющейся собственностью, образованием и т. д.).

Этот выбор еще до недавнего времени определял почти все в последующей жизни отдельного человека. И в архаическом, и в индустриальном обществе человеком правит судьба (социокультурно обусловленная предзаданность). Правда, в век индустрии она на мгновение позволила человеку выбирать — прежде всего профессию, но сделала этот выбор судьбоносным, определяющим всю его дальнейшую жизнь: внутри профессии человек следует ее правилам, ценностям, стереотипам, пользуясь плодами воспитания и подготовки к будущей деятельности. Поэтому и в индустриальном обществе роль профессионального воспитания очень велика.

Однако мы вошли в еще более подвижную социальную жизнь, когда большинству из нас придется несколько раз определяться с профессиями в связи с исчезновением одних и появлением других. За новыми профессиями не стоят традиции, ценностные ориентиры и ограничения в них размыты, авторитеты не определились, о небесных покровителях и вовсе говорить не приходится. Но каждая профессия, каждый род занятий предполагает наличие определенного

социально-профессионального интерьера, вхождения в него, освоения его и использования. Многие интерьеры сегодня пребывают в стадии формирования, а некоторые еще и не подошли к ней. А мы уже должны преадаптировать обучающихся к социально-приемлемому существованию и в самих профессиях, и в их интерьерах. Чем тут следует руководствоваться педагогическим работникам? Одних лишь традиций явно недостаточно: во многих случаях они не сообразны времени, а потому сомнительны. Инновации же — не проверены и потому тоже вызывают массу вопросов.

Нет ничего странного в том, что в мире неопределенности неконкретными становятся и ориентиры, и приемы, и инструменты воспитательной работы. И чтобы найти для нее более прочную почву, чем только признание неизбежности роста неопределенности, стоит вернуться к основополагающему профессиональному тезису: профессии — следствие общественного разделения труда и обмена результатами своей деятельности. Этот тезис проходит под номером один, потому что он имеет отношение к возникновению мира профессий и их долгому существованию на протяжении всей истории человечества. Но разделение (труда) и обмен (его результатами) остаются и в эпоху неопределенности, то есть и в наше время. И это — «во-вторых»! С ними человечество как имело дело, так и продолжит иметь в дальнейшем. Из этого следует уже более или менее определенный и важный для дела профессионального воспитания вывод.

Выводы

Человек как был на заре истории небожественным, не всемогущим, не всеведущим, зависимым от других людей и социума в целом индивидом, так он и остается им сегодня — и останется во все последующие времена. Да, уже не так жестко, как раньше, сегментирован социум, не разбит на непроницаемые (эзотерические) ячейки. Он стал более мобильным, текучим, все более рискованным и уже не предоставляет (как правило, редко исполнимые) гарантии. Однако человек по-прежнему вынужден воспитывать в себе умение быть-с-другими, быть-с-разными-другими людьми. Потому в новых условиях профессиональное воспитание должно не фокусироваться на ценностях, правилах лишь одной определенной специальности и ее стремительно устаревающих интерьерах, а учить видеть, уважать и принимать ценности и правила другой, третьей профессии... Нам никуда не деться от этого многоголосия, а нашим воспитанникам — тем более. Оно и должно стать целью в процессе воспитательной работы, в том числе в профессиональных образовательных организациях. Многоголосие само ворвется в жизнь воспитанников и воспитателей — оно уже присутствует в интерьере педагога профессионального образования — задача состоит в том, чтобы не превратить его в какофонию, информационный (пустой и агрессивный) шум.

Инструменты для поддержания многоголосия давно найдены. Черпать их нужно в том источнике, что принято называть «общей» культурой, то есть в известных (таких ли уж известных, если по совести?) «вещах»: нравственности и искусстве. Этот «резервуар» подсказок на все

случаи жизни, в том числе в условиях неопределенности, поистине неисчерпаем и с годами становится еще более значимым. Сегодня профессиональное воспитание должно выводить обучающихся за границы традиционных познаний, учить видеть особенности разных видов деятельности, понимать других людей, потому что ни одна профессия никогда не существовала в одиночку, сама по себе. Оно — воспитание — призвано преодолеть разобщенность в мире профессий, точнее, в мире монопрофессионального образования, каким оно долгое время было, но сегодня вынуждено меняться. Наступившая эпоха неопределенности заставляет определяться не только и не столько в интерьере отдельной профессии, сколько во множественном и подвижном мире — профессий, артефактов, идей, наук, одна из которых — профессиоведение, которому еще предстоит внести свой вклад в воспитание, но уже не профессией, а профессиями.

Литература

1. Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Ред. П. В. Романов, П. Р. Ярская-Смирнова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.
2. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
4. Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Кн. дом «Университет», 2000.
5. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестн. УГТУ–УПИ. Сер. Гуманитарные и социально-экономические науки. Актуальные проблемы социологии и менеджмента. 2003. № 4. С. 21–32.
6. Гессен С. И. Основы педагогики: Введение в практическую философию. М.: Школа-Пресс, 1995.
7. Зеер Э. Ф., Зиннатова М. В. Психологическое профессиоведение: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2019.
8. Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность: сборник статей / Ред. В. Н. Владимиров, М. Х. Д. ван Леу-вен. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012.
9. Кембриджская история капитализма. Т. 1. Подъем капитализма: от древних истоков до 1848 г. / Ред. Л. Нил, Дж. Уильямсон; пер. с англ. А. Шоломицкой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
10. Кислов А. Г., Щербина Е. Ю. К концептуализации эксплозии занятий и профессий // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 88–103. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1–2.004>.
11. Кислов А. Г., Щербина Е. Ю. К педагогике эпохи цифрового разрыва // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 1. С. 49–59. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10105>.
12. Матвеева Н. А. Социальная инерция: к определению понятия // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 15–23.

13. Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996.
14. Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004.
15. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
16. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований / Ред. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2015.
17. Рус Альберто. Народ майя / Пер. с исп. Э. Г. Александренкова. М.: Мысль, 1986.
18. Савиных В. Л. Теоретико-методологическое обоснование научной дисциплины «Профориентология» // Профессиональное образование и рынок труда. 2014. № 3. С. 6–9.
19. Тощенко Ж. Т. Социология труда: генезис идей в контексте мировых и российских реалий (опыт нового прочтения) // Мир России. 2004. Т. 13. № 4. С. 40–61.
20. Honneth A. The Fragmented World of the Social. Essays in Social and Political Philosophy. Albany: Suny Press, 1995.
21. Honneth A. Verdinglichung: Eine anerkennungstheoretische Studie. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 2005.
22. Souza (de) L. G. da C. Division of labour in Durkheim, Marx and Honneth: contributions to a political economy of recognition // Civitas-Revista De Ciencias Sociais. 2018. Vol. 8. No. 3. P. 654–668. <https://doi.org/10.15448/1984-7289.2018.3.31068>.

References

- Asmolov, A. G., Shekhter, E. D., & Chernorizov, A. M. (2017). Preadaptation to Uncertainty as a navigation strategy for developing systems: routes of evolution. *Voprosy psikhologii*, 4, 3–26. (In Russ.)
- Baudrillard, J. (2000). *L'échange symbolique et la mort*. (S. N. Zenkin, Trans.). Moscow: Dobrosvet. (In Russ.) (Original work published 1976)
- Gessen, S. I. (1995) *Osnovy pedagogiki: Vvedenie v prakticheskuyu filosofiyyu* [Fundamentals of pedagogy: an introduction to practical philosophy]. Moscow: Shkola-Press. (In Russ.)
- Honneth, A. (2005). *Verdinglichung: Eine anerkennungstheoretische Studie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp verlag.
- Honneth, Al. (1995). *The fragmented world of the social. Essays in social and political philosophy*. Albany: Suny Press.
- Kislov, A. G., & Shcherbina, E. Yu. (2020). Towards the Pedagogy of the Digital Divide Era. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda* [Vocational education and labour market], 1, 49–59. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10105>. (In Russ.)
- Kislov, A. G., & Shcherbina, E. Yu. (2020). Towards the conceptualization of occupations and professions' explosion. *Koinon*, 1 (1–2), 88–103. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1-2.004> (In Russ.)

- Klimov, E. A., & Noskova, O. G. (Eds.). (2018). *Psikhologiya truda: uchebnik* [Labour psychology: Textbook]. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Matveeva, N. A. (2004). Sotsial'naya inertsia: k opredeleniyu ponyatiya [Social inertia: towards the definition of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies], 4, 15–23. (In Russ.)
- Neal, L., & Williamson, J. G. (Eds.). (2021). *The Cambridge history of capitalism*. Vol. 1. *The rise of capitalism: from ancient origins to 1848*. (A. Sholomitskaya, Trans.). Moscow: Gaidar institute press. (In Russ.) (Original work published 2014)
- Petrov, M. K. (1991). *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Petrov, M. K. (1996). *Istoriko-filosofskie issledovaniya* [Historical and philosophical research]. Moscow: ROSSPEN (In Russ.)
- Petrov, M. K. (2004). *Istoriya evropeiskoi kul'turnoi traditsii i ee problemy* [History of the European cultural tradition and its problems]. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russ.)
- Romanov, P. V., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (Eds.). (2015). *Sotsiologiya professii: analiticheskie perspektivy i metodologiya issledovaniy* [Sociology of professions: Analytical perspectives and research methodology]. Moscow: Variant. (In Russ.)
- Romanov, P. V., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (Eds.). (2011). *Antropologiya professii, ili postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of professions, or unauthorized entry is allowed]. Moscow: Variant. [In Russ.]
- Ruz Lhuillier Alberto. (1986). *El Pueblo Maya*. (E. G. Alexandrenkov, Trans.). Moscow: Mysl'. (In Russ.) (Original work published 1983)
- Savinykh, V. L. (2014). Theoretical and methodological substantiation of the “Vocational guidance”). *Vocational Education and Labour Market*, 3, 6–9. (In Russ.)
- Souza (de), L. G. da C. (2018). Division of labour in Durkheim, Marx and Honneth: contributions to a political economy of recognition. *Civitas-Revista De Ciências Sociais*, 8 (3), 654–668. <https://doi.org/10.15448/1984-7289.2018.3.31068>.
- Toshchenko, Zh. T. (2004). Sotsiologiya truda: genezis idei v kontekste mirovykh i rossiiskikh realii (opyt novogo prochteniya) [Sociology of labour: the genesis of ideas in the context of world and Russian realities (experience of a new reading)]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 13 (4), 40–61. (In Russ.)
- Vasil'ev, L. S. (2000). *Istoriya religii Vostoka* [History of the religions of the East]. Moscow: Universitet. (In Russ.)
- Vishnevskii, Yu. R., & Shapko, V. T. (2003) Aktual'nye teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'noi inertsii [Current theoretical and methodological problems of social inertia]. *Vestnik UGTU–UPI. Ser. Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. Aktual'nye problemy sotsiologii i menedzhmenta* [USTU–UPI Bulletin. Ser. Humanities and

Socio-Economic Sciences. Actual Problems of Sociology and Management], 4, 21–32. (In Russ.)

Vladimirov V. N., & van Leuven, M. H. D. (Eds.). (2012). *Istoricheskoe professiovedenie: professiya, kar'era, sotsial'naya mobil'nost'i* [Historical profession studies: profession, career, social mobility]. Barnaul: Altai state university (In Russ.)

Zeer, E. F., & Zinnatova, M. V. (2019). *Psikhologicheskoe professiovedenie: uchebnoe posobie* [Psychological professionology: a textbook]. Yekaterinburg: RSVPU. (In Russ.)